

Научная статья

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9582

Мотив блудного сына в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Т. Н. Ковалева

*Пятигорский государственный университет
(г. Пятигорск, Российская Федерация)*

e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию рецепции и трансформации сюжета евангельской притчи о блудном сыне в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». В структуре романа «Жизнь Арсеньева» обнаруживаются основные события притчи о блудном сыне: уход из родительского дома — отпадение от Бога; искушения плоти и духа, распутная жизнь, состояние «духовного блуда», духовная смерть; покаяние; возвращение в родительский дом — к Богу, в Дом Отца Небесного. Одним из поворотных событий жизни главного героя романа «Жизнь Арсеньева» является его уход из отчего дома, отличающийся от ухода героя евангельской притчи. Алексей Арсеньев уходит из родного дома не как блудный сын: в его душе сильны искания высших смысла и цели жизни, в его душе с детства живет чувство Бога. Однако юношеская жажда славы и наслаждения жизнью приводит к забвению героем Отца Небесного и погружению в греховную жизнь. Ключевыми мотивами в описании распутной жизни героя являются мотивы чувственности, искушения, соблазна, вожделения, падения, греха, измены, прелюбодеяния. Распутная жизнь Арсеньева и стала главной причиной разрушения его отношений с Ликой и ее разрыва с ним. Важнейшее событие евангельской притчи о блудном сыне — раскаяние в своих грехах, покаяние перед отцом и перед Богом — предстает в романе Бунина в трансформированном виде. Поскольку в юности глубокого раскаяния в греховной жизни и покаяния перед Богом Арсеньев еще не пережил, воскресение души и возвращение в Дом Отца Небесного были невозможны. Бунин показывает, что для истинного покаяния и окончательного возвращения нужна будет целая жизнь, и оставляет героя на пути к Богу. В романе Бунина «Жизнь Арсеньева» в наиболее полном виде воссозданы такие события евангельской притчи о блудном сыне, как уход из родительского дома и распутная жизнь, духовная смерть; в сложном трансформированном виде — события раскаяния, покаяния и возвращения к Богу, занявшие всю оставшуюся жизнь героя.

Ключевые слова: И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева», евангельская притча, сюжет, мотив, блудный сын, распутная жизнь, покаяние, воскресение, возвращение в Дом Отца Небесного

Для цитирования: Ковалева Т. Н. Мотив блудного сына в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 301–325. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9582

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9582

The Motif of the Prodigal Son in the Plot of Ivan Bunin's Novel *The Life of Arseniev*

Tatiana N. Kovaleva

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russian Federation)

e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the research of the reception and transformation of the subject of the Gospel Parable of the Prodigal Son in the novel *The Life of Arseniev* by Ivan Bunin. The key events in the Parable of the Prodigal Son are present in the structure of *The Life of Arseniev*: leaving the ancestral home — leaving God behind; temptations of the spirit and flesh, dissolute life, spiritual lust, spiritual death; confession; return to the ancestral home — return to God, to the Heavenly Father's Home. Arseniev's departure from his ancestral home differs from the departure of the Gospel Parable's hero, yet this event is one of the landmarks in the main character's life path of life. Unlike the prodigal son, Aleksey Arseniev leaves his home seeking the highest meaning and purpose of life as the key aim; the sense of God's presence had been present in his soul since his very childhood. However, the youthful thirst for glory and pleasures of life led Bunin's hero to the abandonment of the Heavenly Father and to immersion in sinful life. The tropes of sensuality, temptation, desire, degradation, sins, unfaithfulness, adultery are the key motifs in the description of the hero's dissolute life. Arseniev's immoral life became the main reason for the damage to his relationship with Lika and her breakup with him. The most important events in the Gospel Parable of the Prodigal Son are repentance of sins, penance before his father and before God — these events appear in Bunin's novel in an altered form. Since Arseniev did not experience deep repentance before God for his sinful youth, the resurrection of his soul and his return to the Home of the Heavenly Father were impossible. Bunin demonstrates that an entire life is required for the hero to experience true repentance and his final return to God, thus Bunin leaves Arseniev on the path to God. Scenes from the Gospel Parable of the Prodigal Son, such as departure from the ancestral home, dissolute life and spiritual death are recreated most completely in Bunin's novel *The Life of Arseniev*; while repentance and return to God, which take up the remainder of the hero's life, are described by the author in a complex altered form.

Keywords: Ivan A. Bunin, "The Life of Arseniev", Gospel parable, plot, motif, prodigal son, dissolute life, repentance, resurrection, return to the Home of the Heavenly Father

For citation: Kovaleva T. N. The Motif of the Prodigal Son in the Plot of Ivan Bunin's Novel "The Life of Arseniev". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 301–325. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9582 (In Russ.)

Сюжет евангельской притчи о блудном сыне является одним из ключевых христианских сюжетов, нашедших отражение в русской и мировой литературе. Как и архетип блудного сына, «для христианского сознания он изначален и определяющ» [Чернов: 152]. Анализируя воплощение архетипа «блудного сына» в русской литературе XIX века, А. В. Чернов обобщает: «Им задан ритм не только отдельной частной жизни, но и всей мировой истории. Все человечество, весь “многообразный” Адам — это блудный сын, отошедший после грехопадения от отца и возвращающийся к нему через мучения, страдания, заблуждения, окунувшийся в зло мира, попавший под его власть» [Чернов: 152].

Подчеркивая особую значимость притчи о блудном сыне, святитель Амвросий Медиоланский в IV веке назвал ее «*Evangelium Evangeliorum*» — «Евангелием Евангелий», или «сердцевиной Евангелия» (цит. по: [Чистяков: 11]). Спустя шестнадцать столетий митрополит Антоний Сурожский, продолжая мысль святителя, пишет об этой притче: «Она лежит в самой сердцевине христианской духовности и нашей жизни во Христе. Прежде всего, это вовсе не притча об отдельном грехе. В ней раскрывается сама природа греха во всей его разрушительной силе»: [Антоний Сурожский] как человек «отворачивается от Бога и оставляет Его, чтобы следовать собственным путем в “землю чуждую”, где надеется найти полноту, преизбыток жизни» [Антоний Сурожский], к чему ведет отрыв от Бога и как «из глубин греха» [Антоний Сурожский] вернуться в отчий дом.

Исследование трансформаций великого вечного евангельского сюжета о блудном сыне в художественных произведениях — это запечатленный в слове опыт человечества на его пути к Богу. Отечественные литературоведы отмечают особую значимость евангельского сюжета о блудном сыне и заложенных в нем истин для русской словесности и русского самосознания.

Убедительно обосновывая пасхальность русской словесности, И. А. Есаулов выделяет в сюжете о блудном сыне идеи спасения и воскресения души: «...сюжет о блудном сыне хотя бы потому вырастает из евангельского пасхального зерна, что герой его действительно *воскрес* — “был мертв и ожил” (Лк. 15, 32)» [Есаулов, 2004: 45].

По мнению В. Н. Захарова, христианские «покаяние», «спасение», «воскресение» в качестве сюжетов, мотивов, идей, концептов относятся к ключевым сущностным категориям этнопоэтики русской словесности, вне которых невозможно описать ее национальное своеобразие [Захаров, 2020: 13].

Изучению функционирования евангельского сюжета о блудном сыне в произведениях русской литературы посвящены работы таких отечественных исследователей, как И. А. Есаулов [Есаулов, 2012], Э. А. Радь [Радь, 2013, 2014], В. И. Габдуллина [Габдуллина, 2006, 2008, 2013, 2015], В. И. Тюпа [Тюпа], Т. Г. Мальчукова [Мальчукова], И. И. Середенко [Середенко], К. А. Деменева [Деменева], Г. Л. Черюкина [Черюкина] и др. В этом ряду необходимо также назвать монографию О. А. Бердниковой [Бердникова, 2009], в которой представлен анализ стихотворения И. А. Бунина «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» в контексте притчи о блудном сыне.

Однако исследования рецепции и функционирования сюжета евангельской притчи о блудном сыне в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» до настоящего времени не проводилось. Между тем в структуре романа «Жизнь Арсеньева» обнаруживаются основные сюжетные события этой библейской истории: уход из родительского дома — отпадение от Бога; искушения плоти и духа, распутная жизнь, состояние «духовного блуда», духовная смерть; раскаяние и покаяние; возвращение в родительский дом — к Богу, в Дом Отца Небесного.

Одним из поворотных событий жизни главного героя романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» является его уход из отчего дома. С повествования об этом событии и начинается четвертая книга, всецело посвященная, как и пятая книга, годам юности Арсеньева. Последние дни, проведенные Алешей в родовом имении Батурино, по его признанию, «были вместе с тем и последними днями всей прежней жизни»¹ дворянской семьи Арсеньевых.

Уход Алексея Арсеньева из родного дома отличается от ухода героя евангельской притчи, это событие осложнено в романе рядом обстоятельств. В отличие от библейской истории,

разорившуюся семью покидает не только Алеша, младший сын, но и два его старших брата, оставляя стареющих родителей и младшую сестру. Еще более значимым является второе отличие от библейского сюжета. Бунин неоднократно подчеркивает: разорение семьи связано с тем, что отец главного героя — «промотавшийся отец», в истории которого явно прочитываются сюжетные коллизии евангельской притчи о блудном сыне. Рассказывая о своей юности, Арсеньев прямо называет себя «потомком “промотавшихся отцов”» (81).

Вспоминая отца, Арсеньев говорил, что ему многое нравилось в нем, «сильном, бодром, беспечном, вспылчивом, но необыкновенно отходчивом, великодушном, терпеть не могшем людей злых, злопамятных» (12). Отец нравился сыну «своей отважной наружностью, прямою переменчивого характера, больше же всего, кажется, тем, что был он когда-то на войне в каком-то Севастополе», <...> и так хорошо, задушевно, а когда нужно, так ловко, подмывающе играет на гитаре песни, какие-то старинные» (13). Алешу очаровывают широта души, непривязанность к материальным ценностям, бодрость духа отца, любившего повторять: «Нет беднее беды, чем печаль...» (133) — и некая легкость характера.

Вместе с тем Арсеньев вспоминал и о других, негативных, чертах характера и поступках отца. В его жизненной истории обнаруживаются такие события евангельской притчи, как уход из родительского дома, искушения плоти и духа, распутная жизнь. В воспоминаниях об отце Арсеньев не раз упоминал о разгульной молодости родителя:

«Я уже знал, что мы стали бедные, что отец много “промотал” в Крымскую кампанию, много проиграл, когда жил в Тамбове, что он страшно беспечен и часто, понапрасну стараясь напугать себя, говорит, что у нас вот-вот последнее “затрещит” с молотка» (22).

По воспоминаниям Арсеньева, отец «никогда ничего не делал», «проводил свои дни в <...> счастливой праздности» (13). Да и сам глава семьи, провожая сына, покидающего родительский дом, говорит о своем жизненном «расточительстве», и в его признании звучит раскаяние:

«Ты думаешь, я ничего не вижу, не думаю о тебе? Больше всех думаю! Я перед всеми вами виноват, всех вас по миру пустил. <...>

И хуже всего то, что не усидишь ты долго с нами, и что тебя ждет, один Бог ведает!» (133).

В отличие от отца из библейской притчи, главы семьи и настоящего хозяина в доме, промотавшемуся отцу Арсеньева нечего передать в наследство, кроме любимого ружья — «бельгийской двустволки, единственной драгоценности, оставшейся ему от прежней роскоши» (133).

Выявление мотива блудного сына в сюжетной линия отца позволяет обнаружить опасное забвение тех бытийный и нравственных норм, которые выражены в библейской притче о блудном сыне: отец Арсеньева не показал сыну достойного примера и не дал верных жизненных ориентиров. Главный герой подчеркивает, что не отец, а мать внесла в его жизнь первые представления о Боге и вере. Таким образом, отец Арсеньева предстает в романе блудным сыном, не выполняющим своей главной — воспитательной, «учительной» — функции умудренного жизнью наставника, указующего истинные пути в жизни.

Необходимо отметить, что уходящий из отчего дома Алексей Арсеньев отличается от героя евангельской притчи о блудном сыне. Так, Алеша благодарен отцу за скромный и единственный подарок, который получает от него. И уходит Арсеньев из родного дома не как блудный сын, не бездумно и не беспечно. Он с детства приобщен к традициям православной жизни [Пращерук, 2011], в его душе живет чувство Бога, сильны искания высших смысла и цели жизни [Ковалева, 2020], поиск пути по воле Бога как пути истинного [Ковалева, 2017]. Поэтому в первых главах четвертой книги Бунин показывает главного героя в ситуации выбора жизненного пути.

Арсеньев мучительно ищет свой путь, что проявляется в его серьезных размышлениях о смысле и цели жизни, в чувстве неприкаянности, в постоянных разъездах-метаниях, отражающих духовную неуспокоенность героя романа. Осознавая бедственность положения своей семьи и необходимость самому обеспечивать себя, Арсеньев решает «начать чистую, трудовую жизнь» (130) хочет стать переводчиком, чтобы «открыть себе впоследствии источник не только неизменных

художественных наслаждений, но и существования» (130). Однако пробуждающийся дар слова приводит к тому, что герой отвергает свои надежды на скромную «чистую, трудовую жизнь» и выбирает другой путь — путь самореализации себя в художественном творчестве, путь писателя, поэта.

В этот поворотный момент жизни, мечтая изменить ее привычный ход, Арсеньев приезжает в Кроптовку — заброшенное имение Лермонтовых. Жизнь и судьба Лермонтова, его творения восхищают юного Арсеньева, чувствующего в себе пробуждение творческого дара, ищущего свой путь в жизни и размышляющего о своем предназначении:

«Я опять вспомнил бессмысленность и своей собственной жизни <...>, вдруг вспомнив вместе с тем Лермонтова» (135). «Какая жизнь, какая судьба! Всего двадцать семь лет, но каких бесконечно богатых и прекрасных... Я подумал все это с такой остротой чувств и воображения, и у меня вдруг занялось сердце таким восторгом и завистью, что я даже вслух сказал себе, что довольно наконец с меня Батурина!» (136).

В ночь перед уходом из дома Арсеньев перечитывает «Войну и мир» Толстого, вспоминая заветные мысли самого автора и его любимых героев — князя Андрея и Пьера Безухова, думая в то же время о себе и о своей жизни.

«Пьеру все кто-то говорил: “Жизнь есть любовь... Любить жизнь — любить Бога...” Это кто-то и мне всегда говорит, и как люблю я все, даже вот эту дикую ночь! Я хочу видеть и любить весь мир, всю землю, всех Наташ и Марьянок, я во что бы то ни стало должен отсюда вырваться» (137); «Да, больше нельзя так жить. Я не мог бы, если бы даже имел десять незаложенных Батуриных <...> Нет, надо наконец на что-нибудь решиться!» (137), —

говорит Арсеньев о своей жажде любви и страстном желании юношеской самореализации и самоутверждения в жизни. Опасность и гибельность такой жажды и сильной любви к земному счастью замечательно показана Буниным с помощью символической картины ночной бури и неба, следующей за приведенными словами Арсеньева:

«Ветер, ледяной, северный, свирепствовал, верхушки старых деревьев мрачно и слитно ревели <...>; по небу, замазанному чем-то белесым, <...> быстро неслись с севера, где было особенно зловеще

и угрюмо, темные и странные, какие-то не наши, а как будто морские облака, вроде тех, что изображали старинные живописцы ночных кораблекрушений. <...> В кольце вокруг млечно-туманной луны было точно какое-то зловещее небесное знамение. Бледный, слегка склоненный набок лик ее все больше грустнел и туманился, на белесой мути неба, в вышине неслись и мешались, порой могильно закрывая этот лик, дымные, свинцовые, а то и совсем темные облака... С севера, из-за ревущего сада, поднималась черная туча, и дико пахло по ветру снегом» (136).

Черные краски, мрачные тона в описании страшной ночной бури с нагнетанием зловещих деталей создают предельно семиотически насыщенный пейзаж, предвещающий катастрофичность движения героя, отклонившегося от истинного Пути, забывшего о необходимости постоянного восхождения к Богу.

Вторая фаза сюжета библейской притчи — искушения плоти и духа, распутная жизнь, состояние «духовного блуда», духовная смерть. Оторвавшись от дома, от Бога, блудный сын погружается в распутную жизнь. Младший сын, Алексей Арсеньев, выехал из дома не «на днях» — «нужно было сперва собрать хоть какие-нибудь деньги в дорогу» (138), — «но все равно: наконец выехал» (138) в «дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно» (Лк. 15:13).

Бунин вкладывает в уста Арсеньева, уже умудренного жизнью, глубокую и честную характеристику собственного пути в юности:

«То чувство, с которым я вошел в вагон, было правильно — впереди ожидал меня и впрямь немалый, небудничный путь, целые годы скитаний, бездомности, существования безрассудного и беспорядочного, то бесконечно счастливого, то глубоко несчастного, словом, всего того, что, очевидно, и подошло мне и что, быть может, только с виду было так бесплодно и бессмысленно...» (138–139).

Спустя годы вспоминая свой «немалый, небудничный путь», главный герой в то же время выделяет в нем «целые годы скитаний, бездомности, существования безрассудного и беспорядочного» — эти слова Арсеньева как нельзя лучше характеризуют жизненное поведение блудного сына.

В четвертой книге романа Бунин подробно показывает, как в юноше Арсеньеве начинают бороться несколько противоположных устремлений, открывающих несколько жизненных

путей. Первое, давнее, заветное — понять, «зачем, для чего все существует?» (31), искать высший смысл и цель жизни, найти истинный путь, жить по воле Бога, с верою «в любовную благодать Божьего веления» (204), «начать чистую, трудовую жизнь» (130), «образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания — какое это редкое счастье — и какой душевный труд!» (196).

Второе жизненное устремление — жажда «другого» пути, честолюбивые мечты: во что бы то ни стало вырваться из родительского дома на свободу, стать писателем или поэтом, «сразу прославиться, стать знаменитым» (149), стать «вторым Пушкиным или Лермонтовым, Жуковским, Баратынским» (149). Слушая рассказ своего знакомого, Ганского, о поездке в Зальцбург, в музей Моцарта, Арсеньев делает невольное сравнение со своей жизнью:

«И мне стало так горько, так обидно, что я едва усидел на месте, — такое страстное желание внезапно овладело мной тотчас же бежать домой, сесть, не теряя ни минуты, за какую-то поэму или повесть, написать что-то необыкновенное, сразу прославиться, стать знаменитым...» (149). «Я мучился желанием писать что-то совсем другое, совсем не то, что я мог писать и писал: что-то то, чего не мог. Образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания — какое это редкое счастье — и какой душевный труд! И вот моя жизнь стала все больше и больше превращаться в эту новую борьбу с “неуслышимостью”, в поиски и уловление этого другого, тоже неуловимого счастья, в преследование его, в непрестанное думанье о нем» (196).

Эти признания Арсеньева свидетельствуют о том, что искания высших цели и смысла жизни, пути истинного незаметно для героя уходят на второй план, сменяются «поисками и уловлением» уже «другого», «тоже неуловимого счастья» (196) и юношеской жадной славы, тщеславным желанием стать знаменитым.

Постепенно в мировосприятии Арсеньева и в его творческих исканиях появляется ощущение избранности, собственной исключительности, разъединяющее его с миром, порождающее отчужденность от людей и высокомерие по отношению к ним. Его путь самореализации в творчестве все более напоминает путь свободного художника, который никому ничего

не должен, путь самоутверждения как индивидуалистической личности, ни с кем и ни с чем не связанной. И, наконец, в жизненных устремлениях Арсеньева начинает властно заявлять о себе еще одно — рожденная юностью жажда наслаждения жизнью и «сладостной и томящей» земной любовью, «самым непонятым из всех человеческих чувств» (31); как признался сам герой, он хочет «любить весь мир, всю землю, всех Наташ и Марьянок» (137).

Отрыв Арсеньева от Бога, забвение высших нравственных ценностей приводит к тому, что герой из чистого душой ребенка, затем — «инока», странника, героя, ищущего истинный путь, превращается в блудного сына.

Распутную жизнь блудного сына из евангельской притчи очень точно описывает митрополит Антоний Сурожский: «Отделавшись от отцовской опеки, от всех моральных ограничений, он теперь может безраздельно отдаться всем прихотям своенравного сердца. Прошлого больше нет, существует только настоящее, полное многообещающей привлекательности, словно заря нового дня, а впереди манит безграничная ширь будущего» [Антоний Сурожский]. Так и Арсеньев отдается всем прихотям своего своенравного сердца. Ключевыми мотивами в описании этого периода жизни героя являются мотивы беспутства, искушения, соблазна, чувственности, вожделения, измены, прелюбодеяния, падения, греха. Особенно ярко характер такого движения Арсеньева по жизни проявляется в период истории любви к Лике — любви, которой суждено было стать «большим событием» в жизни (160).

Спустя годы Арсеньев, описывая начало взаимоотношений с Ликой и свое состояние в тот период юности, говорит о «быстроте и безвольности, лунатичности, счастливой беззаботности, легкости» (159), с которыми начиналась их история любви. Эта характеристика поры счастливой влюбленности в то же время содержит в себе намек на бездумность и беспечность героя и на ту опасную «легкость», которая уже в самом начале свидетельствовала об отсутствии его серьезных намерений по отношению к Лике. Это приводит к тому, что

в отношениях с Ликой, уже живя вместе с ней, Арсеньев не берет на себя никаких обязательств, не хочет нести никакой ответственности, не создает семьи, не смотрит на себя как на женатого:

«Одна мысль о жизни без нее привела бы меня теперь в ужас, но и возможность нашей вечной неразлучности вызывала недоумение: неужели и впрямь мы сошлись навсегда и так вот и будем жить до самой старости, будем, как все, иметь дом, детей? Последнее — дети, дом — представлялось мне особенно нестерпимым» (230).

Приведенное признание Арсеньева свидетельствует о его нежелании создать семью, стать мужем, отцом, хозяином дома.

Выстраивая отношения с любимой девушкой, Арсеньев стремится полностью подчинить ее себе, живя исключительно своими желаниями и интересами, признавая только свою значимость, никак не ограничивая свою свободу и своеволие:

«Я под всякими предложениями внушал ей одно: живи только для меня и мной, не лишай меня моей свободы, своеволия, — я тебя люблю и за это буду еще больше любить. Мне казалось, что я так люблю ее, что мне все можно, все простительно» (233); «Хотел быть любимым и любить, оставаясь свободным и во всем первенствующим» (231); «Я слишком ценил свое «призвание» (234).

Подчинив себе Лику, Арсеньев начинает «пользоваться своей свободой все беспутнее» (234), отдается во власть вожделия, жажды чувственных наслаждений со случайными женщинами, с которыми встречается в своих разъездах: «Я зачем-то съездил в Николаев, часто ходил на один пригородный хутор, где поселились ради праведной жизни два брата-толстовца» (236). Зачем-то он пришел в гости к жене одного из братьев. Но по тому, «как утешал ее, целовал в пахнущие солнцем волосы, как сжимал ее плечи и глядел на ее ноги, очень хорошо понял, зачем» он ходил «к толстовцам» (238).

В поисках таких соблазнов и наслаждений герой каждое воскресенье ездил в село недалеко от железнодорожной станции к «высокогрудой рыжей девке с крупными губами», к которой не испытывал никаких чувств и с которой изменял Лике. Спустя многие годы главный герой со стыдом вспоминает, как, подчиняясь чисто физическому влечению, «сам

ужасаясь тому, что делает» (240), он тянет девку в товарный вагон с раздвинутыми дверцами:

«Она вскочила за мной и крепко обняла меня за шею. Но я чиркнул спичку, чтобы осмотреться, — и в ужасе отшатнулся! Спичка осветила посреди вагона длинный дешевый гроб. Она козой шаркнула вон, я за ней... Под вагоном она без конца падала, давилась смехом, целовала меня с диким весельем, я же не чаял, как ухватить, и после того в село уже не показывался» (240).

Этот гроб в контексте сцены предстает предупреждением о гибели души героя, а характеристика «дешевый» становится знаком его падения, податливости на соблазны и содержит суровую оценку подобного поведения умудренным жизнью Арсеньевым.

«Зачем ездил, ходил? Она (Лика. — Т. К.) чувствовала то тайное, что, помимо всего прочего, было целью моего бродяжничества», (236) —

хорошо понимал цель таких поездок и своего «бродяжничества» и сам Арсеньев. Однако это понимание нисколько не останавливало его:

«Каких только “за” не было тут! И мог ли я отказаться от них! Я думал, кроме того, что они вполне соединимы с ней» (233).

О нравственном падении героя свидетельствует и такое его откровенное и цинично-хвастливое признание:

«...я ездил в Москву, к Толстому, и, возвратившись, с особенным удовольствием предался мирским соблазнам. И они, эти соблазны, очень изменили нашу жизнь <...> Незаметно изменяли, ухудшали и наши отношения» (240).

Так герой полностью отдался во власть греха, об опасности которого особо предупреждал Иисус Христос в Нагорной проповеди — греха вожделения, прелюбодеяния, отводящего человека от Бога, разрушающего чистоту его души: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое

было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5:27–30).

Распутная жизнь Арсеньева и стала главной причиной разрушения его отношений с Ликой и ее разрыва с ним. Путь греха, путь блудного сына, автор и позднее сам Арсеньев оценивали как ведущий к гибели. Не случайно именно в этот период появляются знаки, предупреждающие об опасности и губительности такого движения по жизни: пустая ждущая могила, которую Арсеньев, бродяжничая, случайно увидел на кладбище; гроб в вагоне поезда, так напугавший героя в сцене соблазнения рыжей девки; угрожающие знаки с неба (громы, молнии, ливни); в целом изменение неба от чарующего своей высотой, чистотой и красотой до темного, грозного, наказующего, а порой и полное исчезновения неба как обители Бога из картины жизненного пространства героя.

С помощью пространственных образов Бунин показывает, к какому одиночеству, к какой отчужденности приводят Арсеньева в этот период индивидуализм, эгоизм, полная свобода без ответственности и любви, упоение чувственными наслаждениями, распутная жизнь. Так, промотав последние отцовские деньги, герой все-таки находит себе службу в управской библиотеке: «...просто сидение в этой полуподвальной комнате», поскольку «выдавать ничего не приходилось (235).

Своими «почти крепостными стенами» (235) она отделяла Арсеньева от всего мира, позволяя чувствовать себя «полностью свободным» (235). Бунин очень точно назвал эту пространственную сферу героя «склепом» (235), обозначив таким образом резко негативную оценку подобного существования.

Однако полная погруженность в земное счастье, как и индивидуалистический путь, не приносят Арсеньеву душевного успокоения. Именно об этом свидетельствует вернувшаяся к герою огромная потребность в движении, пути, поиске. Ошибаясь, отступая от истинного Пути, порой всецело погружаясь в греховную жизнь, в состояние духовного блуда, Арсеньев смутно чувствует неистинность своего движения. Это сложное внутреннее состояние героя передается с помощью

мотивов бродничества, бесцельных блужданий, бродяжничества, метаний, которые пронизывают всю пятую книгу, и реализуется с помощью архетипических пространственных образов и хронотопов, передающих трудность исканий истинного Пути и высшего смысла жизни. Это дорога и железная дорога (редуцированный вариант обычной дороги) — знаки многочисленных разъездов-приездов, отъездов, бегств, метаний Арсеньева, его неуспокоенности, незнания правильного пути; вокзал, соответствующий древнейшему перекрестку дорог, — место решающих встреч, знак сложного жизненного выбора пути или выбора неверного, уводящего с пути истинного.

Кульминационными событиями евангельской притчи о блудном сыне являются осознание героем своего падения, воскресение через искреннее раскаяние в грехах, покаяние перед отцом и перед Богом, которые делают возможными возвращение к Отцу Небесному и в отчий дом: «Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! Я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему» (Лк. 15:17–20).

Эти важнейшие события евангельской притчи о блудном сыне, необходимые для воскресения и спасения души, предстают в романе Бунина в сложном трансформированном виде. Тогда, в юности, глубокого искреннего раскаяния в греховной жизни, осознания своего падения и своей вины перед Ликой, понимания, что вина за разрушение отношений с любимой всецело лежит на нем, покаяния перед отцом и перед Богом герой еще не пережил. Мешали тому гордыня и нежелание терять свою пресловутую свободу. После разрыва с Ликой Арсеньевым владели два чувства: стыд перед ней, который не позволил сразу броситься вслед за любимой, и ужас — ужас жизни без нее:

«Спасть от этого ужаса иступленными слезами можно было только с ней, перед ней, а ее-то и не было» (243).

Страдая от потери Лики как источника наслаждений и от разрушения своей беспечной и легкой жизни, в глубине души Арсеньев все же понимает, что он потерял любовь. Со временем, не имея больше сил переносить душевные муки, отбросив самолюбие, переступив через свою гордость, «кинул ся очертя голову в город» (247), к любимой, к ней домой. Однако перед домом Лики Арсеньеву суждено было услышать от ее брата: «Отец не желает вас видеть <...> Уходите...» (247). Бунин создает уникальную сюжетную ситуацию: поскольку герой еще не пришел к искреннему раскаянию в своих грехах и покаянию перед любимой женщиной, перед отцом и перед Богом, в дом отца Лики его не пустили. На сакральном уровне возвращения к Богу, в Дом Отца Небесного не произошло. Для этого герою нужна будет целая жизнь.

Наряду с возвращением в дом Лики, Бунин показывает временные приезды Арсеньева в родительский дом и оставляет за рамками романа окончательное возвращение. Первые два возвращения героя, еще не ставшего блудным сыном, овеяны грустью, нежной, трогательной любовью к родным, с такой радостью встречающих его. «В Батуристине было даже больно о той любви, радости, с которой был встречен я», — признавался герой, в первый раз вернувшийся домой после ухода (170). Душой он еще не оторвался от семьи, от дома, а уезжая, тоскует по ним.

Второй раз герой возвращается в родной дом с Ликой — познакомить любимую с семьей. Знаменательно, что Арсеньев с Ликой проводят в отчем доме Страстную неделю и Пасху — знак того, что герой еще не стал блудным сыном.

В третий раз Арсеньев возвращается в родительский дом после разрыва с Ликой. Не находя для себя точки опоры, спасаясь от душевной муки, не зная, что делать дальше, он едет домой, чтобы «прожить там некоторое время, не загадывая о будущем» (244). Однако возвращается не с раскаянием и покаянием, не с надеждой и не с радостью воскресения, а с ощущением безнадежности, бессмысленности жизни. Уже одни мысли об этом возвращении рождают в нем тяжелую тоску:

«Какая могила ждет меня там, в Батурина! Старость отца и матери, увядание моей несчастной сестры, нищая усадьба, нищий дом, голый, низкий сад, по которому дует ледяной ветер, зимний лай собак, — зимой, когда дует вот такой ветер, он какой-то особенный, ненужный, пустынный...» (244–245).

Это «новое возвращение под отчий кров» (245) было совсем непохоже на то, что было три года тому назад. Герой смотрит теперь на родительский дом и родных «другими глазами» (245), и этот новый взгляд показывает, как изменились его ценности, свидетельствует о падении героя, о его оторванности от Бога — вечного источника истинного счастья. Теперь для Арсеньева отчий дом — «могила» (244–245). Страшная характеристика, свидетельствующая о болезни и умирании его души! И все, что происходит в этом доме, герой оценивает не любовным взглядом, а мертвым взором, отражающим состояние его души. Описание этого состояния насыщено у Бунина лексикой, воссоздающей какое-то безжизненное пространство: «могила», «старость отца», «увядание моей несчастной сестры», «нищая усадьба», «нищий дом», «голый низкий сад», «ненужный, пустынный ветер», «убогие избы деревни», «дикарские лохматые собаки и дикарские обледенелые водовозки», «пустой двор перед угрюмым домом с печальными окнами», «все старое, какое-то заброшенное, бесцельное — и бесцельный холодный ветер», «жалкий в своей зимней нагоде сад», «грубая бедность»... (245).

И все же в душе Арсеньева еще теплится любовь к отцу, а через много лет герой переживает раскаяние: «...все кажется, что недостаточно ценил и любил его» (246). Встреча с отцом во время третьего возвращения Арсеньева в родительский дом открывает еще одну причину безысходности и трагического мироощущения сына. Мотив умирания связан не только с душевным состоянием Арсеньева, но и с духовным состоянием его отца: получая сочувствие родителя, сын не находит у него той самой важной поддержки, которую дает мудрый отец, познавший истину. Постаревший промотавшийся отец, может быть, в последний раз в жизни видящий сына, вновь говорит лишь о преходящих земных ценностях:

«...о чем-то дорогом и утраченном и о том еще, что все в жизни все равно проходит и не стоит слез...» (246). Мотив умирения, таким образом, отражает и этот ограниченный взгляд отца на мир, его незнание или забвение вечных, непреходящих ценностей, неподвластных времени и смерти, тех евангельских истин, которые принес в мир Иисус Христос.

Однако раскаяние перед отцом, пережитое Арсеньевым, — это не то раскаяние, какое пережил евангельский блудный сын, когда он приносит покаяние, что «согрешил против неба» (Лк. 15:18) и перед отцом. Пережитое Арсеньевым раскаяние — это неполное раскаяние, требующее обязательного покаяния перед Богом.

Последнее в сюжете романа возвращение, самое значимое для понимания эволюции героя, не затрагивает семейной сюжетной линии «отцы и дети» и всецело посвящено сакральному смыслу притчи — возвращению к Отцу Небесному. В предпоследней, XXI, главе четвертой книги, Арсеньев, уже прошедший большую часть жизненного пути, рассказывает о посещении им похорон великого князя во Франции, где оба героя жили в эмиграции. Эта глава, как и последняя, XXII, представляет собой одну из кульминаций романа и насыщена семиотически значимыми для всего произведения событиями. По признанию Арсеньева, прощаясь с великим князем, он думает «о его протекшей жизни, такой большой и сложной, <...> и о своей собственной...» (164).

Сцена отпевания великого князя насыщена фрагментами христианских молитв, которые представляют собой единый текст:

- «— Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков...
- Миром господу помолимся... <...>
- Еще молимся о упокоении души усопшего раба твоего... и о еже проститися ему всякому согрешению, вольному же и невольному... <...>
- Милости Божия, Царства Небесного и оставления грехов его у Христа, бессмертного Царя и Бога нашего, просим... <...>
- Образ есмь неизреченные Твоя славы — ущедри сознание Твое, Владыко, и вожделенное Отечество подаждь ми...» (164).

В контексте главы — это молитвы об усопшем, в контексте всего романа — напоминание о смерти и предупреждение главному герою о необходимости покаяния перед Отцом Небесным, по сути это молитвы самого Арсеньева, его молитвы о прощении грехов и обретении отчего дома — «вожделенно-го Отечества» (164).

В последней, XXII, главе четвертой книги, описывающей душевное состояние Арсеньева после похорон, Бунин рисует символически насыщенную картину, воссоздающую «пороговую» ситуацию: человек перед лицом Бога:

«Ночью на моей горе все гудит, ревет, бушует от мистралья. Я просыпаюсь внезапно. <...> Стремительно несется мистраль, ветви пальм, шума и мешаясь, тоже точно несутся куда-то... Я встаю и с трудом открываю дверь на балкон. В лицо мне резко бьет холодом, над головой разверзается черно-вороненое, в белых, синих и красных пылающих звездах небо. Все несется куда-то вперед, вперед...

Я кладу на себя медленное крестное знамение, глядя на все то грозное, траурное, что пылает надо мной» (164–165).

Эта картина финала четвертой книги предельно знаково насыщена. Мир как будто подталкивает Арсеньева в путь: образы бурного стремительного движения «всего» «куда-то вперед» (165) в контексте исканий героя и темы смерти — знак неоконченного пути Арсеньева. Предстоящая смерть требует покаяния перед Отцом Небесным и возвращения к Нему. Поэтому взор Арсеньева вновь обращен к небу — обители Бога, существенные трансформации которого являются знаками для героя. В этой сцене оно «черно-вороненое, в белых, синих и красных пылающих звездах», «грозное, траурное» (165). Душе непокаявшегося Арсеньева тяжело, темно и страшно, она чувствует тяжесть грехов, поэтому Бог в этот переломный момент жизни предстает для героя не как любящий Отец, а как грозный Судья. Необходимо покаяние, которое Святитель Феофан Затворник назвал «последним», «наиболее необходимым шагом на пути обретения Спасения» [Феофан Затворник]. Описывая «истинную природу раскаяния», митрополит Антоний Сурожский подчеркивает: «В настоящем раскаянии сочетаются видение нашего собственного зла и уверенность, что даже для

нас есть прощение, потому что подлинная любовь не колеблется и не угасает. <...> Бог не предаст его» (курсив мой. — Т. К.) [Антоний Сурожский]. Эту силу Божественной любви еще предстоит постичь Арсеньеву.

Очень важным, знаменательным и многозначным символом предстает крестное знамение Арсеньева, обращенное к «грозному» небу. Прежде всего, это христианский знак приобщения к Богу, верности Ему и Его Воле. В контексте пути блудного сына крестное знамение предстает выражением молитвы о прощении грехов, а также знаком «принятия своего крестного пути» [Пращерук, 2019: 76].

Пятая книга романа — рассказ о взаимоотношениях Арсеньева и Лики и о его распутной жизни в юности — стала выражением того покаяния, которое необходимо для спасения и возвращения к Богу. Ведь «надежда на воскресение немыслима без осознания личной греховности» [Есаулов, 2004, 45–46]. Поэтому в пятой книге меняется взгляд Арсеньева на самого себя и на взаимоотношения с Ликой: анализируя свою юность, герой суров и беспощаден в оценке собственных поступков, осуждая свое распутство, жажду самоутверждения, эгоизм и жестокость во взаимоотношениях с любимой женщиной.

Бунин обрывает повествование на пороге юности Арсеньева и оставляет его на пути к Богу, чтобы «свершилась вечная правда евангельской притчи» [Захаров, 2012: 176]. Несмотря на то, что путь Арсеньева не окончен, герой осознал необходимость и обязательность возвращения к Богу. Собственно, с этого утверждения начинается роман: в I главе первой книги, играющей роль вступления, объясняющего причину, мотивировку и цель рассказа Арсеньева, и одновременно включающей своеобразный эпилог, автор утверждает идею пути истинного «как Пути к Богу и Пути по воле Бога» [Ковалева, 2017: 135]. Глава эта завершается признанием взрослого Арсеньева, человека, подводящего жизненные итоги и открывшего в жизни самое главное — «зов к небесному Граду» (8). Возвращение в Дом Отца становится главной целью жизни Арсеньева, ушедшего так далеко от него:

«В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют, некогда славных, а теперь заглохших, бедных, в повседневности живущих мелкой жизнью. Все же над этой жизнью всегда — и недаром — царит какая-нибудь серая башня времен крестоносцев, громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий Господний глашатай, зовущий к небесному Граду» (курсив мой. — Т. К.) (8).

Временные инверсии в изображении этапа осознания героем своей греховности, его длительность свидетельствуют о трудности, сложности и в то же время о необходимости возвращения и спасения человека, отошедшего от должного, показанного в Библии.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что в романе Бунина «Жизнь Арсеньева» в наиболее полном виде воссозданы такие события евангельской притчи о блудном сыне, как уход из родительского дома и распутная жизнь, духовная смерть; в сложном трансформированном виде — события раскаяния, покаяния и возвращения к Отцу Небесному, занявшие всю оставшуюся жизнь героя.

История блудного сына, рассказанная Буниным в романе «Жизнь Арсеньева», выстраданная героем необходимость возвращения к Богу — еще одно доказательство христианской основы творчества писателя в полемике о его религиозности и еще одно убедительное свидетельство верности спасительных Евангельских истин, принесенных в мир Иисусом Христом.

Сама жизнь, сама действительность заставляет человека искать спасения — спасения не только тела, но главное, — души. Путь спасения указан в «вечном Евангелии», в проповедях и притчах Иисуса Христа и, в особенности, — в притче о блудном сыне: осознать свои грехи, раскаяться в неправедной жизни, покаяться и от ложных ценностей, от соблазнов и обольщений, от идолов и кумиров вернуться душой к Богу, в дом Отца нашего Небесного.

Примечания

- ¹ Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 5. С. 126. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Антоний Сурожский, митрополит. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (12.03.2020).
2. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронеж. обл. тип. — изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. 272 с.
3. Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева. Барнаул: БПИУ, 2006. 132 с.
4. Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Концепт, 2008. 304 с.
5. Габдуллина В. И. Мотив возвращения блудного сына в романах И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 135–150 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431453792.pdf (30.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.376
6. Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева: в контексте притчи о блудном сыне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 2. С. 44–51.
7. Деменова К. А. «Станционный смотритель» А. С. Пушкина и «Старший сын» А. В. Вампилова в контексте притчи о блудном сыне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 2. С. 44–51.
8. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
9. Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 25–31 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (30.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.336
10. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
11. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. Т. 18. № 3. С. 7–20 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (30.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
12. Ковалева Т. Н. Путь по воле Бога в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 2. С. 127–140 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1499089355.pdf (30.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4381
13. Ковалева Т. Н. Мотивы исканий смысла бытия в сюжете романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 276–294 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1583139511.pdf (30.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7342

14. Мальчукова Т. Г. Евангельская притча о блудном сыне и ее интерпретация в творчестве А. С. Пушкина // Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 350 с.
15. Пращерук Н. В. «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий»: традиции православия в жизни Алексея Арсеньева // Метафизика И. А. Бунина: сб. науч. тр., посвященный творчеству И. А. Бунина. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. Вып. 2. С. 7–15.
16. Пращерук Н. В. Духовное измерение жизни человека: репутация Бунина-художника и реальность текста // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 73–77.
17. Радь Э. А. Притча о блудном сыне: христианский канонический мета-сюжет и литературное творчество // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 598–604.
18. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе. Модификации архетипического сюжета в движении эпох. М.: Флинта: Наука, 2014. 364 с.
19. Середенко И. И. Архетип блудного сына в произведениях русских классиков // Культура и текст. 2005. № 9. С. 16–22.
20. Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С. 67–81.
21. Фефан Затворник. Мысли на каждый день года [Электронный ресурс]. URL: <http://kostino.orthodoxu.ru/feofan1.htm> (30.03.2020).
22. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 151–158 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2378> (12.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2378
23. Черюкина Г. Л. Литературные версии притчи о блудном сыне в романах «Некуда» Н. С. Лескова и «Обрыв» И. А. Гончарова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск; СПб.: Алтейя, 2011. Вып. 9. С. 114–125 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430307204.pdf (12.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.309
24. Чистяков Г. П. Над строками Нового Завета. М.: Истина и жизнь, 2002. 337 с.

References

1. Antonyi Surozhskiy, Metropolitan. About the Prodigal Son. In: *Propovedi i besedy* [Sermons and Conversations]. Paris, 1976. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (accessed on March 12, 2020) (In Russ.)
2. Berdnikova O. A. «*Tak sladok serdtsu Bozhii mir*»: *tvorchestvo I. Bunina v kontekste khristianskoy dukhovnoy traditsii* [“The God’s World Is so Sweet for the Heart”: Ivan Bunin’s Creative Work in the Context of the Christian Spiritual Tradition]. Voronezh, Voronezh Regional Printing House, E. A. Bolkhovitinov’s Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)

3. Gabdullina V. I. *Motiv bludnogo syna v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo i I. S. Turgeneva* [*The Motif of the Prodigal Son in the Works of F. M. Dostoevsky and I. S. Turgenev*]. Barnaul, Barnaul State Pedagogical University Publ., 2006. 132 p. (In Russ.)
4. Gabdullina V. I. «*Bludnye deti, dvesti let ne byvshie doma*»: *evangel'skaya pritcha v avtorskom diskurse F. M. Dostoevskogo* ["*Prodigal Children, Absent from Home for Two Hundred Years*": *A Evangelical Parable in the Author's Discourse of F. M. Dostoevsky*]. Barnaul, Kontsept Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)
5. Gabdullina V. I. The Motif of the Prodigal Son in Ivan Turgenev's Novels. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 135–150. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431453792.pdf (accessed on March 30, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.376 (In Russ.)
6. Gabdullina V. I. The Motif of the Prodigal Son in the Works of F. M. Dostoevsky and I. S. Turgenev: in the Context of the Parable of the Prodigal Son. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2015, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.)
7. Demeneva K. A. "The Station Master" by Pushkin A. S. and "The Eldest Son" by Vampilov A. V. in the Context of the Parable About the Prodigal Son. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2015, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
9. Esaulov I. A. On the Sacred Meaning of "The Station Master" by Alexander Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 10, pp. 25–31. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (accessed on March 30, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.336 (In Russ.)
10. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [*The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects*]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–20. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on March 30, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382 (In Russ.)
12. Kovaleva T. N. The Path of Life by the Will of God in the Novel "The Life of Arseniev" by I. A. Bunin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2017, vol. 15, no. 2, pp. 127–140. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1499089355.pdf (accessed on March 30, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4381 (In Russ.)

13. Kovaleva T. N. The Motifs of Searching for a Sense of Being in the Plot of the Novel by Ivan A. Bunin “The Life of Arseniev”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 276–294. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1583139511.pdf (accessed on March 30, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7342 (In Russ.)
14. Mal’chukova T. G. The Gospel Parable of the Prodigal Son and Its Interpretation in Works of A. S. Pushkin. In: *Mal’chukova T. G. Antichnyye i khristianskie traditsii v izobrazhenii cheloveka i prirody v tvorchestve A. S. Pushkina [Antique and Christian Traditions in the Depiction of Man and Nature in the Works of A. S. Pushkin]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2007. 350 p. (In Russ.)
15. Prashcheruk N. V. “Be Sober Because Nobody Knows That Day or Hour When the Son of Man Will Come”: Orthodox Traditions in Alexey Arseniev’s Life. In: *Metafizika I. A. Bunina: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy tvorchestvu I. A. Bunina [The Metaphysics of I. A. Bunin: Collection of Research Papers Devoted to I. A. Bunin’s Works]*. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2011, issue 2, pp. 7–15. (In Russ.)
16. Prashcheruk N. V. Spiritual Measurement of a Human Life: Bunin’s Artistic Reputation and Text’s Actuality. In: *Filologicheskii klass [Philological Class]*, 2019, no. 2 (56), pp. 73–77. (In Russ.)
17. Rad’ E. A. Parable of the Prodigal Son: Christian Canonical Metaplot and Literary Work. In: *Fundamental’nye issledovaniya [Fundamental Research]*, 2013, no. 11, pp. 598–604. (In Russ.)
18. Rad’ E. A. *Istoriya «bludnogo syna» v russkoy literature. Modifikatsii arkhetypicheskogo syuzheta v dvizhenii epokh [The Story of “Prodigal Son” in the Russian Literature: The Modification of the Archetypal Story in Different Periods]*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2014. 364 p. (In Russ.)
19. Seredenko I. I. Archetype of the Prodigal Son in Russian Classical Literature. In: *Kul’tura i tekst [Culture and Text]*, 2005, no. 9, pp. 16–22. (In Russ.)
20. Tyupa V. I. Parable of the Prodigal Son in the Context of “The Belkin Tales” as a Complete Fictional Composition. In: *Boldinskie chteniya [The Boldin Readings]*. Gorky, Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1983, pp. 67–81. (In Russ.)
21. Feofan Zatvornik. *Mysli na kazhdyy den’ goda [Thoughts for Every Day of the Year]*. Available at: <http://kostino.orthodoxy.ru/feofan1.htm>, free (30.03.2020). (In Russ.)
22. Chernov A. V. The Archetype of the Prodigal Son in Russian Literature of the 19th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, vol. 3, pp. 151–158. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2378> (accessed on March 12, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2378 (In Russ.)
23. Cheryukina G. L. The Literary Versions of the Parable of the Prodigal Son in the Novels “No Way Out” by N. S. Leskov and “The Precipice” by I. A. Goncharov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical*

- Poetics*]. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, vol. 9, pp. 114–125. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430307204.pdf (accessed on March 12, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.309 (In Russ.)
24. Chistyakov G. P. *Nad strokami Novogo Zaveta [Over the Lines of the New Testament]*. Moscow, Istina i zhizn' Publ., 2002. 337 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ковалева Татьяна Николаевна, Tatiana N. Kovaleva, PhD (Philology), кандидат филологических наук, Associate Professor of literature and доцент кафедры словесности и pedagogical technologies of philological and педагогических технологий и pedagogical technologies of philological education, Pyatigorsk State University (pr. Kalinina 9, Pyatigorsk, филологического образования, 357532, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0064-7600; e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru
Пятигорский государственный университет (пр. Калинина, д. 9, 0000-0002-0064-7600; e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru)
г. Пятигорск, Российская Федерация, 0000-0002-0064-7600; e-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru
ru

Поступила в редакцию / Received 23.01.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.03.2021

Принята к публикации / Accepted 22.03.2021

Дата публикации / Date of publication 05.05.2021